

Владимир Владыкин

Между двух братьев

Повесть

Владимир Владыкин
Между двух братьев

«Издательские решения»

Владыкин В. А.

Между двух братьев / В. А. Владыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743433-5

Повесть В. А. Владыкина «Между двух братьев» написана от лица молодой женщины по имени Жанна. Её образ, как явствует из пояснения автора, реально существующий человек. И от её имени ведётся повествование с детских лет. Это драматическая история двух разных семей. В центре сюжета детско-юношеская любовь Жанны и Артёма. Но позже она влюбляется в старшего брата своего парня. Дальнейшие события разворачиваются трагически. На охоте Артём случайно убивает брата Жанны.

ISBN 978-5-44-743433-5

© Владыкин В. А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Часть первая	7
1	7
2	12
3	15
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Между двух братьев

Повесть

Владимир Владыкин

© Владимир Владыкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Много лет тому назад я собирал материал о трудных подростках и родителях, оставленных детьми. Одна моя знакомая, по имени Жанна, посвящённая в мои творческие искания, однажды заметила, что то, о чём я собираюсь писать, получится не очень оригинально. Её замечание меня смутило, и я спросил: «А что же заслуживает особого внимания»?

И она заговорила о своей истории замужества, даже не любви, а именно замужества, из чего читатель должен сделать вывод, была ли это любовь или расчёт. Я проникся интересом к её предложению. Мы два вечера гуляли по тем местам, где происходили события её юности.

На мой взгляд, это была незаурядная, и в чём-то даже эксцентричная женщина с хорошо поставленным голосом. После наших прогулок, я побывал в её квартире.

Почему она пригласила к себе, станет ясно в конце этого повествования.

Не знаю, что её побуждало к исповеди: тщеславие или желание стать героиней моей повести? Но она достаточно подробно и вполне искренне поведала о своей личной жизни, на что отважится не каждая женщина. И когда она заговорила, было видно, Жанна волновалась. Её приятный мелодичный голос заметно дрожал. Но по мере того как она входила в роль рассказчицы, она обретала уверенность, и голос её звучал твёрже.

Ниже я привожу её рассказ дословно, услышанный мною в одном загородном ресторане, куда в один прекрасный тёплый летний вечер я был ею приглашён.

«...Ну что же, пора и начать, это лучшее средство выговориться, разрядить скопившиеся эмоции», – начала Жанна. Мы сидели напротив друг друга, и я внимательно слушал эту удивительную женщину!

За три часа нашей беседы я услышал нижеследующую историю жизни и любви. Какой? Теперь судить читателю.

Часть первая

Из рассказов молодой женщины

1

У своих родителей до семи лет я росла одна, – продолжала молодая женщина. – И однажды отец мне сказал, что у меня скоро появится брат или сестра. Так я узнала, что мама ждала ребёнка; и с того дня жила в радостном ожидании пополнения нашей семьи. Не знаю почему, но я думала только о мальчике и уже знала, каким именем его назову.

Мне было хорошо от одной мысли, что у меня скоро появится братик. Когда он родился, я выкрикнула: «Я хочу, чтобы его назвали Сашей». Мои не стали возражать, мы его так и назвали.

Я наблюдала, как мать кормила его, как ухаживала за ним. Я выросла и тоже ухаживала за братиком: стирала пелёнки, грела кашу, молоко, кормила. У матери было много домашней работы.

Одно из её занятий – шитьё для малыша распашонок, ползунков. Она работала на швейной фабрике, а дома подрабатывала шитьём на заказы.

Помню, с каким нетерпением я бежала из школы домой, чтобы скорей увидеть братика. И пока мать шила, я катала его по двору в детской коляске. А в это время мои подружки играли на улице. Иногда они подбегали ко мне и любопытничали, спит ли мой братишка. В такие минуты я испытывала гордость за себя, что мне доверили ребёнка...

Семья, в которой я росла, была обычной, каких тысячи. Но так я считаю теперь, а тогда узнала, что наша не самая худшая и не самая лучшая.

Как я уже сказала, моя мать, Татьяна Александровна Чекалина, работала на швейной фабрике портной. Когда она бывала в плохом настроении, она жаловалась на нелёгкую жизнь, которая надорвала её здоровье и отчего даже разучилась смеяться.

Отец же, Николай Михайлович Чекалин, в отличие от матери, ни на кого не жаловался. Он работал на крупном заводе слесарем-сборщиком и вступил в строительный кооператив.

Родители были одноподками, оба примерно среднего роста, привлекательные и симпатичные. Разумеется, отец, как и полагается мужчине, был выше матери. К воспитанию меня и брата мать и отец никакого усердия особо не прикладывали.

С детства, кроме шитья куклам платьев, у меня не было серьёзного увлечения. Правда, одно время пристрастилась к чтению книг, чем вызывало у матери досаду, и она меня отчитывала, дескать, лучше бы занималась полезным делом. Сама же она не брала в руки даже газеты, ссылаясь на вечную загруженность работой.

По мере моего взросления, она обучала меня своему швейному ремеслу, которое, как я уже говорила, выручало нашу семью.

В те годы я ещё не сознавала, что шитьё когда-нибудь мне пригодится. И потому, не желая идти по стопам матери, я относилась к её урокам весьма прохладно. В школе я училась неплохо, и должна была избрать то единственное дело, которое могло повлиять на мою дальнейшую жизнь. Но как можно было угадать своё призвание, если у меня пока ни к чему не лежала душа?

Когда я училась в шестом классе, а Сашу последний год водили в детсад, мы получили трёхкомнатную квартиру. Но не в самом городе N, где мы до сих пор жили, а в молодом посёлке Добрин, который от города находился в пятнадцати километрах. До этого мы жили в старом полуподвальном доме, занимая две небольшие комнаты, без всяких бытовых удобств. И мы радовались, когда вселились в новую со всеми удобствами трёхкомнатную кооператив-

ную квартиру. Но теперь матери стало далеко ездить на швейную фабрику, и тогда она перешла в ателье мод, которое было недалеко от нашего дома. К тому же у матери часто болели ноги, поэтому ездить на работу в город с пересадками, она больше не могла. Отец же, несмотря на то, что ему стало добираться далеко, остался на том же заводе.

Первое время мне было непривычно жить в пятиэтажке с незнакомыми соседями. То же самое со мной происходило и в новой школе, так как оторванная от своего родного класса, я тосковала по одноклассникам. Мне было так одиноко, что порой жутко сжималось сердце, отчего хотелось вернуться в старую школу. Ведь мои новые одноклассники как-то недобро косились на меня, а некоторые девочки почему-то смотрели свысока. Поначалу я не понимала: почему вызывала у них странную неприязнь? Ведь я же не наглена, никому не навязывала дружбу, вела себя скромно, и сама не могла ни с кем вступать в разговор, что меня немало удручало. И я с печалью в сердце думала: «Почему я ни с кем не общаюсь, и не завязываю знакомства, будто нарочно всех сторонюсь. Ведь в своей школе я была даже бедовая? Но я продолжала что-то выжидать, будто всех чуралась, и за это получила пренебрежительное обращение: «Эй, новенькая, ты сегодня в классе дежурная».

Меня угнетало так же и то, что со мной никто долго не заговаривал, будто я была окружена заговором молчания, что меня больше всего выводило из себя, хотя я так и не обзавелась самой близкой подругой. Наверное, потому, что в душе я была гордая и скоро одноклассницы это уловили и стали меня сторониться. Но я нисколько не зазнавалась и заведомо никем не пренебрегала, просто стремилась к независимости. И ко всем относилась достаточно равно. Но прошло время, я привыкала к одноклассникам и стала кое с кем общаться.

В обращении со мной мальчики вели себя уважительней девочек. Я не берусь точно сказать, чем именно завоевала у них авторитет. У девочек же это вызывало бурную ревность, чему не придавала особого значения, ведь я была склонна к тщеславию, и эта черта стала стремительно развиваться, когда начала понимать, что была собой весьма недурна, даже больше – могла с успехом потягаться с самой лучшей из девчонок. Но в классе такой не оказалось, и я попала в число первых, чем вызывала злорадство у самолюбивых и завистливых одноклассниц...

Я росла довольно стройной и симпатичной. У меня были длинные, слегка волнистые каштановые волосы; золотисто-карие большие продолговатые глаза с некоторой косиной; прямой покатым к кончику заострённый нос; выпуклые и припухлые, точно нарисованные губы. Я была грациозно сложена с полными, налитыми ножками; у меня рано стали формироваться груди, чем я втайне собой даже восхищалась. Пусть простят меня те, кто думает, что я занимаюсь самолюбованием, но в описании последующих событий мне без этого никак не обойтись.

В шестом классе я ещё заплетала толстую косу, но уже в восьмом распускала тёмно-русые волосы пышным хвостом, утягивая их на затылке резинкой. Своё раннее развитие я ещё до конца не сознавала и, наверно, потому не придавала этому большого значения. Но зато моё раннее созревание для юношей не прошло незамеченным.

Это началось с девятого класса, я даже ещё не знала по имени всех парней из параллельных классов. У девочек я стала невольно предметом для сплетен, так как слышала, будто меня зажимали мальчики по всем углам. Но это было не так, я не пыталась никого переубеждать. Хотя несправедливые наговоры мне так досаждали, что порой не обходилось без слёз.

Когда я узнала причину их злословия, что ни одна девочка из моего класса не могла со мной соперничать внешними данными, это меня тешило и возвышало в собственных глазах. Ведь они же видели, что меня никто не зажимал, а наоборот в общении со мной вели себя прилично. И уж точно тискали только тех, которые мне завидовали и меня оговаривали.

Из всех ребят я выделяла Артёма Пестова. Среди своих сверстников, как в шестом, так и девятом классе, он выделялся не по возрасту рослой фигурой. У Артёма были синие глаза,

которыми порой рассматривал меня так бесцеремонно, что не могло не коробить, и я чувствовала себя незащищённой, будто взглядом раздевал меня.

Я тоже пробовала с ним переглядываться, но из своей природной стеснительности мне не удавалось пересмотреть его, как это удавалось другим девочкам и они заигрывали с ним мне назло. Я же ему и слова не говорила, а только молча обижалась за то, что он вёл себя нагло, чем вызывал во мне не симпатию, а ненависть...

В юности, наверное, у каждого дружба завязывается с какого-нибудь приятного для обоих пустячка. Помню, у Артёма на столе я увидела книгу М. Рида «Всадник без головы». Артём перехватил мой взгляд и тотчас же взял со стола предмет моего созерцания и жестом великодушного человека вручил мне свою книгу. Признаться, я этого от него не ожидала, и его отзывчивость мне глубоко запала в душу. С того момента я почувствовала, что между нами могут завязаться близкие отношения. И у меня возникло такое желание, чтобы он больше ни к кому впредь так не относился, а как только ко мне.

Когда я вернула ему прочитанную книгу, Артём предложил Ф. Купера «Последний из Могикан», и признался, что у него целая библиотека приключенческих книг, которую собирал отец и старший брат.

В тот день он пригласил меня к себе домой. Я с интересом рассматривала подписные издания, которые видела впервые. Так что наша дружба завязалась с обоюдного пристрастия к литературе. Но мы были в том ещё зыбком возрасте, когда можно было легко её оборвать какими-то новыми увлечениями.

Однако этого не произошло, мы по-настоящему привязались друг к другу. И наши отношения, казалось, день ото дня крепили и мы понимали, что недалеко было то время, когда мы вместе вступим в самостоятельную жизнь. Я бы никогда не подумала, что наша дружба спустя время поможет мне определить мою дальнейшую судьбу.

Но были случаи, когда я видела, как к другим девочкам он относился внимательней, чем ко мне, и я его ревновала, но ему этого не показывала. И в такие моменты я к нему охладевала. А он, видя это, начинал при посторонних вести себя со мною развязно. Я старалась поставить его на место, требовала от него ответа: чем заслужила такое его неуважительное ко мне отношение? Артём отвечал, что я сама даю повод своим равнодушием. А ему надоедало быть послушным паинькой.

К тому же одноклассники начинали над нами подшучивать, дескать, привязался к юбке. Я была готова разорвать наши отношения. Видя, что я не шучу, он боялся меня потерять в угоду своим друзьям. И тут Артём из озорника опять превращался в вежливого юношу, он извинялся, и я прощала ему свои обиды. Но таким он был недолго, так как снова подпадал под влияние друзей, и как бы я ни понимала причины его дерзких выходок, эта черта его мне не нравилась. И я задумывалась, а что будет дальше? Я не боялась, что нас могли обзывать женихом и невестой, хотя в этом ничего предосудительного не было. Ведь в таком возрасте многие начинали дружить – кто тайком, а кто и открыто.

В отличие от других наших сверстников, после школы нам было намного проще встречаться, так как по счастливому совпадению мы жили в соседних домах. Окна наших квартир выходили навстречу, так что, каждый выйдя на свой балкон, хорошо видели друг друга и обменивался условными сигналами. Я с пятого, а он с четвёртого, дескать, пора спускаться из своих «скворечников»...

В школу и из школы, мы, естественно, ходили одной дорогой; жильцы часто нас видели вместе, и даже замечали, если Артём нёс мой портфель.

Мои родители, конечно, скоро узнали о нашей дружбе, усмотрев в ней причину падения моей успеваемости, из-за которой с матерью ссорилась. Я с ней не соглашалась, так как мне казалось, будто она искала серьёзный повод запретить мне встречаться с Артёмом. Это было

извечное опасение родителей за свою дочь в переходном возрасте. И оно держало меня под их пристальным вниманием.

Мне не разрешалось гулять на улице допоздна, а в случае задержки до отведённого мне времени от матери получала унижительную выволочку, после которой я начинала её ненавидеть. Ей очень хотелось подчеркнуть, что у меня появилось много женихов. Я же поправляла – не женихи, а только один школьный товарищ и в этом нет ничего плохого.

Но всё равно гулять на улицу бывало не выпускала несколько вечеров, пока за меня не вступался отец, который по мере моего взросления относился ко мне терпимей матери. Он начинал признавать за мной право поступать по-взрослому, я сознавала, что преображалась в привлекательную девушку. И поэтому со мной обращался, как с взрослой, уважая моё девичье целомудрие, чем могли похвастать не все девушки. Он почему-то был уверен, что дочь не посрамит его отцовских чувств и честь семьи. Если случалось, я возвращалась домой с улицы поздно, он характерным жестом руки показывал мне на часы, мол, что же ты себяводишь, мать снова поднимет крик. И за рассудительность я уважала отца больше, чем мать...

В нашем посёлке жили в основном рабочие, служащие, энергетики, и обслуживали местную гидроэлектростанцию. Семья Пестовых была на хорошем счету. Дмитрий Романович, крупный в кости, высокий, был просто любим и всеми почитаем, как мастер на все руки. На досуге он увлекался починкой ружей местным и пришлым охотникам. И, кажется, собирал свою коллекцию.

Старший Пестов работал на электростанции прорабом строительного участка. Дмитрий Романович был покладист, добр и прекрасным семьянином. Несмотря на это, он обладал суровыми чертами лица, поэтому его обманчивая внешность могла легко ввести в заблуждение любого. И его приятный баритон вполне соответствовал его росту и облику могучего и степенного в движениях мужчины, что им нельзя было не залюбоваться.

Его жена, Людмила Семёновна, работала в поселковой больнице врачом. Я не знала женщины аккуратней, чем она, и наряду с этим была весьма симпатична, проста, выдержана. И всегда одевалась с безукоризненным изяществом. Я не слышала, чтобы она хотя бы однажды на кого бы то ни было крикнула, даже на своих детей не повышала тона. Но что любопытно, все их дети названы на первую букву алфавита. Старшим был Аким, средний Антон, затем дочь Анна, самый младший Артём, благодаря которому и началось моё знакомство с этой поистине замечательной семьёй.

Если моя мать к нашей дружбе с Артёмом относилась с недоверием, то его родители вполне естественно, как на сам ход жизни.

Однажды Дмитрию Романовичу, повстречав нас на улице, почтительно поздоровался со мной и тотчас пригласил зайти к ним на чай. Его обходительностью я была польщена и тронута до глубины души. Артём, вдохновленный примером отца, повлёк меня к себе в гости, невзирая на все мои старания перенести этот визит на более удобный день. Хотя однажды я была у него, но тогда никого не было дома...

В квартире Пестовых стояла новая мебель, изготовленная под орех и создавала такой уютный, красивый интерьер, что их обстановка меня несколько шокировала, если учитывать то, что у нас дома всё выглядело намного проще. Но скоро я освоилась, обласканная радушием внимательных хозяев. К своему изумлению я узнала, что Артём в семье, по меркам родителей, считался трудным, по крайней мере, так его полушутя-полусерьёзно величал отец:

– Жанна, я убедительно прошу, – обращался Дмитрий Романович, при этом глядя на меня проницательно, – хотя бы ты повлияла на него. Ты понимаешь, наш «трудный» недоросль никак для себя не уяснит простые вещи, как важно в его лета освоить хотя бы какое-нибудь ремесло.

– Да ладно, батя, – наклонив голову, покачивая ею из стороны в сторону, немало конфузясь, протестовал Артём, – что ты меня при Жанке в краску вгоняешь, или только за этим её пригласил?

– Нет, сынок, извини, это просто пришлось к слову. Вот и хорошо, что, наконец, немного проняло. Может, это тебе пойдёт на пользу? – видя, как Артём был чрезвычайно уязвлён, отец добродушно усмехнулся и продолжал: – Мы свои люди, Жанна тебя раскусит и без моих подсказок, – договорил он, будто этим самым предрекал наши дальнейшие с Артёмом отношения. Мне было бесконечно лестно слышать от Дмитрия Романовича, что по духовному развитию он серьёзно ставил меня выше своего сына.

– Хорошо, я постараюсь, – вежливо пообещала я, правда, с долей робости, ведь Артём мог посчитать, что я на себя много беру.

Так оно и произошло, как только я на него взглянула, Артём опалил меня гневным взором. Зачем-де я посмела поддержать отца, и этим самым как бы поставила его, Артёма, в свою зависимость. Но так как я ответила не столь уверенно, это и вызвало снисходительную улыбку моего друга. Его глаза подобрели и он, опустив их, почему-то продолжал про себя усмехаться, загадочно покачивая головой.

Я без труда смекнула – он давал мне понять, что данные отцу мои обещания, ему не по душе. И тут же в укор себе я вспомнила, что я сама не столь усердно приобщаюсь к шитью, а вот согласилась возложить на себя наставнические обязательства. И перед Дмитрием Романовичем мне стало вдруг стыдно, что, в сущности, он меня не знает. К тому же он заговорил о том, как важно постигать жизнь в многообразных проявлениях и делах. Я слушала внимательно, а по настроению Артёма видела, что эти наставления ему противны, как кость, которая застряла в горле собаки. Он показывал из себя скучающего, пресытившегося семейными разговорами, человека, в то время как мне поучения Дмитрия Романовича были в новинку, а всё оттого, что мои родители были совсем другие люди.

2

Дмитрий Романович относился к своей жене, как мне казалось, заботливо, бережно и тактично, никогда на неё не повышал тона. Впрочем, я точно не знаю, кто из супругов Пестовых кому больше подражал: он ей или она ему? Хотя мне казалось, что главную роль в их отношениях играло обоюдное уважение мнения другого. Если даже, когда в чём-то между ними наступало временное разногласие, Людмила Семёновна всегда его выслушивала с неизменным внутренним тактом и предлагала спокойным тоном:

– Хорошо, Митя, – говорила она, – что если мы поступим так: ты сходишь в школу на собрание, а я тем временем пройду по магазинам. – И супруг охотно принимал её предложение. Ведь ровный, доверительный тон нельзя не уважать, при таком обращении просто неприлично поступать наперекор другому. Мне казалось, что в этой семье никогда не было ни ссор, ни размолвок.

После моего первого визита, как была я у них в гостях в будничным день, я унесла в душе совершенно восхитившее меня ощущение праздника! И долгое время у меня сохранялось это светлое впечатление, и мне казалось, я и сама стала чище и благородней. В моей душе произошёл благотворный процесс, я стремилась к овладению культурой поведения и житейской философией.

Я начала присматриваться к отношениям моих родителей, и впервые для себя открыла заново и мать, и отца. Сравнивая отношения в семье Пестовых и моих родителей мне было неприятно выслушивать их бестолковые взаимные упрёки о том, кто из них не туда поставил ведро или кастрюлю, или мать положила отцу в тарелку с борщом чересчур жирный кусок мяса. К тому же они могли обоюдно вспоминать свои давние проступки и доказывали, кто был прав, чтобы только удовлетворить свои самолюбия.

И такие сцены повторялись почти каждый день, не зная ещё тогда, что можно поступать человечней, в чём убедилась после того, как побывала в гостях у Пестовых. Я с ужасом для себя открыла, в каком доселе жила кошмаре. И в пример своим стала приводить родителей моего одноклассника.

– Знаешь, Жанка, – выпалила мать, – иди ты подальше со своими Пестовыми и вместе с их культурой! Нашла моду меня поучать: Пестовы, Пестовы! Вот ступай к ним и живи, если они так тебе нравятся, а меня больше не учи! Мы с отцом простые! И что ты с нами сделаешь? – но тут она понизила тон и заговорила спокойней: – Будь довольна, что твой батя намного сдержанней меня! А мои нервы расшатаны одной посменной работой да вами тремя... Ох, хоть бы скорее, что ли ты замуж выходила!

– А, так тебе не терпится от меня отделаться? – выкрикнула я. – Вот возьму и попрошусь в общежитие! – с угрозой отчеканила я. – Не пойду учиться, а буду работать...

– Постой, какое общежитие, Жанка? Не смей, на фабрику идти? – выкрикнула мать. – О воле, бесстыжая, мечтаешь?! Уйти туда, где курить научишься и блудить? Только мне посмей, волосы все выдеру!

– А тогда не говори: замуж-замуж: сама выгалкиваешь! – вырвалось раздражённо. – Между прочим, хорошим манерам можно научиться всем, – прибавила наставительным тоном. – Это надо только очень захотеть...

– Вот и учись, тебе жить, а меня носом не тычь в свою культуру, – загорланила мать, подрагивая всеми мускулами лица, на котором выступала бледность. – Ты подумай, вот дались тебе эти Пестовы! Тогда ступай к ним и живи!

– А что, и поду! – я резко хлопнула дверью квартиры и побежала вниз по лестнице.

– Как же, нужна ты им... а ну вернись, Жанка, гадюка такая! – кричала из дверей вдогонку мать.

Но я её не послушалась, быстро шагая по направлению к дому Пестовых. Меня пошатывало от волнения, как пьяную. Я вошла в прохладный подъезд. Постояла. Опомнилась. Куда меня принесла нелёгкая? Однако, как было велико искушение ещё и ещё раз окунуться в уютную атмосферу семьи Пестовых, где, думалось, жизнь шла размеренно и отлажено...

С матерью я помирилась в тот же вечер, дав ей слово, больше не говорить на эту тему, если причиняю ей боль. А про себя решила: как бы мне того не хотелось больше не буду упоминать Пестовых. Артём же, словно улавливал моё желание бывать у них, зазывал в гости после прогулок на канал, куда мы отправлялись, выучив наспех уроки. А бывало, уходили, даже не выучив, лишь наскоро обедали.

Тогда я ещё хорошо не знала здешних мест, хотя в посёлке мы уже жили почти три года. И Артём, как настоящий гид, показывал мне свои излюбленные уголки природы...

Наш посёлок стоял на довольно ровной местности, вокруг которого простирались колхозные поля и заливные луга. Сразу за посёлком был разбит парк с аттракционами и стадионом. Мы переходили шоссе, обсаженное с обеих сторон неширокой лесополосой; за ней открывались дачные участки с крошечными домиками из дерева или кирпича, которые издали казались игрушечными.

Пройдя по насыпной дамбе болотистое место, поросшее плотным и густым камышом, минуя дачное раздолье, начинался искусственный канал, вырытый ещё в пору строительства гидроэлектростанции. Он тянулся на многие километры и был глубокий с полупрозрачной в нём водой и впадал в реку.

Зимой канал не замерзал, поскольку электростанция сбрасывала тёплую воду, и байдарочники здесь проводили зимние тренировки. На протяжении всей рукотворной реки, в тридцати шагах, от высокого берега, тянулась широкая густая лесополоса. Зато противоположный берег был почти голый, лишь покрытый шелковистой зелёной травкой. От берега ровный луг стелился на большое пространство, на котором лишь кое-где на разном расстоянии от берега росли старые раскидистые ивы. Красивый пейзаж вызвал в душе нечто щемящее и нежное, невольно создавая лирическое настроение...

Артём словами передавал настроения природы, и выходило, что ветер как бы заставлял деревья грустить, веселиться, задумываться, о чём я раньше даже не имела представления. А сегодня деревья на ветерке неумолчно шептались, волны бежали друг за другом как пловцы на соревнованиях, и непрерывно накатывались на берег, неся с собой свежесть. В камышах пели птицы. И всё для него было наполнено звучанием таинственной мелодии. Эта его способность воспринимать природу в образах и звуках приводила меня в тихий восторг. Я смотрела на него и чувствовала, как счастливым блеском сияли мои глаза, и я ему мило улыбалась. В такие минуты я испытывала удивительное блаженство и волнение от того, что я тоже начала видеть и воспринимать природу в тех образах, звуках и красках, которые он подмечал.

И казалось, что так поэтично может рассказывать только тот, кто писал стихи. Но Артём мне никогда их не читал. Я насильно вытягивала из него признания, но всё было напрасно. И только однажды он признался, что стихи живут только в его душе. Так что, если кто их услышит, то они, не созрев, улетучатся, как пушинки одуванчика. А если серьёзно, то они находились в стадии вызревания. Зато он превосходно читал наизусть стихи Блока или Есенина. И под воздействием поэзии и разговоров о прочитанных книгах, я полагала, что в Артёма безоглядно была влюблена...

Но это чувство несравнимо с первой любовью, я затрону только те эпизоды моей жизни, которые повлияли на моё духовное развитие. Кстати, в то время я не считала дружбу с Артёмом, длившуюся до окончания десятого класса, первой любовью. Немало людей любили и вновь влюблялись, и всю жизнь живут врозь, но чего, к счастью, со мной не произошло. Я нарочно избегаю подробностей наших с Артёмом отношений. И даже через десять лет я не нахожу в них ничего выдающегося. Мне остаётся остановиться на отдельных случаях, кото-

рые дают представление о том, как развивались наши отношения и почему мы не остались вместе...

3

В классе Артём сидел возле окна, я же – в среднем ряду и чувствовала на себе его взгляд, он не давал мне сосредоточиться на том материале, который объяснял учитель. Нашу перестрелку глазами замечали учителя. Однажды словесница подняла с места Артёма и просила продолжить то, о чём она рассказывала. И что было удивительно – он почти без запинок повторил...

Артём по своей рефлекторной натуре был неисправимый мечтатель и романтик, поэтому, мне думается, лень чаще всего сопутствует таким людям. Он хотел стать путешественником, недаром его любимым предметом считалась география. Впрочем, не меньше он ценил и литературу, но вовсе не ту, которую навязывали в школе. Хотя знал любую...

Мои отношения с Артёмом длились без малого пять лет – почти до его призыва в армию. Под конец ученья в школе наша дружба перешагнула подростковый рубеж, когда страстные поцелуи могли привести к близости. Но этого я себе не позволяла, у Артёма портилось настроение.

А я так и не смогла разобраться в своих чувствах, и наши отношения продолжались: мы, то ссорились, то мирились. Я томила в поре ожидания такой с встречи с человеком, который бы вызывал во мне бурю чувств, и я бы была полностью уверена, что тот предполагаемый человек мне только и нужен.

Но я отбросила эти глупые мечтания и стала жить спокойно, в глубине души надеясь, что моё время ещё не пришло. И оно должно прийти по велению судьбы.

Я продолжала встречаться с Артёмом, а в душе укоры совести говорили, что я его обманываю. Хотя я убеждала себя, что влюблена в Артёма, но с какого-то времени ко мне приходила мысль, увы, я уже не уверена, что мы можем быть вместе. А ведь он по-прежнему был мне симпатичен, несмотря на его безумную ревность, которая, как я понимала, вызывалась моим поведением. И отчасти была его ответом на то, что я запретила и думать о постели...

Он относил это на тот счёт, что меня стали замечать одноклассники, как из нашего класса, так и параллельного. А ведь все знали о нашей с Артёмом дружбе, и всё равно пытались за мной приударять, что меня в душе только тешило, но я не теряла головы. Хотя не раз беседовала, то с одним, то с другим, даже не подозревая, что расширяла свой опыт общения и что в меня кто-то был уже влюблён. Разве могла я сказать Артёму, что любой девушке приятно знать, что, кроме своего парня, она пользуется успехом у посторонних.

Если Артём видел, как я беседовала с одноклассниками, он мог не подходить ко мне всю неделю, а то и больше. Я же, снедаемая гордостью, ничего ему не объясняла, почему так делала, думая, что он сам догадается...

И начинала понимать, что своим поведением обижала Артёма и первая старалась примириться. Он называл меня ветреной и непостоянной, а я, зная, что не такая, просто иногда любила его подразнить и оттого строила собеседнику глазки. Пусть не обзывает меня больше, он же сам возбуждал у меня желание делать всё наперекор. А мне же казалось, что я вела себя без заведомой рисовки и кокетства. Просто была от природы задорная, тогда как он принимал эту черту как мою игру. И в дни наших ссор я жалела, что переигрывала, не всегда оценивала реакцию Артёма, а когда спохватывалась, то просила у него прощения. Он уходил прочь, я его догоняла и кричала, что ко мне он несправедлив.

А бывало, наши отношения рвались из-за того, что находились сплетницы, которые ему передавали подробности якобы моих шалостей, а я отчаянно, чуть не плача, отрицала. А он твердил, будто бы в подъезде в дни наших размолвок, меня видели, что я с кем-то целовалась.

Эти нелепые слухи оседали в его сердце и ещё больше осложняли наши отношения. Я пыталась объяснить ему, что всё это выдумки завистников, чтобы нас вконец рассорить, зная

какой он ревнивый. А мне, кроме него, никто был не нужен. И не отдавала себе отчёта, что врала и что осознала позже. Наверное, женское сердце, скрывая правду, оправданиями защищает себя. Вот и я такая же, на время мне удавалось развеять его подозрения, и тогда между нами воцарялся мир...

Но наступила время, и я решила быть искренней, какой мне и теперь кажется, я была всегда. Когда я училась в строительном техникуме, Артём готовился к службе в армии. Свободное время он проводил возле турника, по утрам бегал, в этом для меня ничего не было удивительного. Он любил заниматься спортом. Однажды Артём спросил у меня, буду ли я ждать его из армии?

– Тебя все будут ждать: и друзья, и родители, – ответила я. – А что касается меня, то, как своего парня, не обещаю...

– Да-а? – протянул он. – Ты шутишь, или уверена, что я тебе не нужен? – спросил он в оторопи, и прибавил, видя, что я молчу: – А зачем столько лет мы были вместе?

Я потупила взор, немало волнуясь оттого, что обрывала его надежду. До этого между нами случались похожие разговоры. И все они оканчивались моими сомнениями.

– Может, кому-то ты уже обещала? – спросил он, не дожидаясь моего ответа. – Ты же любишь, чтобы вокруг тебя крутились пацаны?..

– Дурак! – вспылила я в отчаянии. – Я не знаю, что будет через два года.

– Всё понятно, ты меня не любила! Поэтому с другими заигрывала. И могла бы не морочить мне голову и сказать сразу, что нам пора расстаться. Так было бы честней! Думаешь, на меня не цеплялись? Когда любят искренно, всё ясно наперёд, – убедительно произнёс он.

– Это смотря кого любить! – выпалила я и прибавила: – Ты прав, я жалею. Но я думала, что ты изменишься.

– И кого ж ты любишь? – спросил он. – Ты всегда скрывала свои чувства. А если говорила, что любишь, то себе же и врала, усекала?

– Я в себе не уверена, доволен? – ответила я. – По-моему, ты умный парень, тебе служить два года. И может, там встретишь свою принцессу...

– Так, значит, недаром ты интересовалась зрелыми мужчинами. А для меня выдумываешь какие-то варианты... – перебил он.

– И кто тебе такое наплёл?

– Сам догадался, мы с тобой как-то шли, и ты уставилась на одного высокого bruneta...

Да, верно, я смотрела на представительного мужчину, который мне казалось, знал всё, что хотел от жизни. И я подумала: «Вот такого бы мне». Артём перехватил мой взгляд. А я от него отвернулась и заговорила о каком-то пустяке, чтобы отвлечь его от того, о ком он мог подумать. В тот раз я осталась ему благодарна за то, что он не заговорил о том мимолётном взгляде. Но я знала, что тот случай оставил во мне свой след. И как после него я могла быть уверена в Артёме, когда для себя уже решила, кого мне ждать на своём пути. Но ему с ответом медлила, так как боялась за него. И потому сказала, что в нём я уверена, и замолчала, боясь причинить ему боль, хотя уже обидела его своим молчанием.

Сколько он ни просил меня быть до конца откровенной, своей мятежной душой я чувствовала, что не могу ничего ему обещать, и отвечала лишь грустной улыбкой, в которой было столько горести и раскаяния, что я предавала его. А он, принимал её за моё с ним согласие, больше не возобновлял наш тот странный разговор...

Уже прошло больше десяти лет, как я была замужем и с вершины этих лет смотрю на ту девчонку и удивляюсь, почему дружбу с Артёмом она не считала первой любовью, а просто дружбой, которая когда-нибудь заканчивается? Хотя обыкновенно считается: если целовались, значит, друг друга любили. Да, мне было с ним хорошо и нравилось его слушать. Но представить Артёма своим мужем я не могла и это почувствовала в тот день, когда он спросил, буду ли ждать его из армии.

Я оказалась перед выбором: оборвать или продолжать наши отношения? Для меня наступил ответственный момент не только за себя, но и за того человека, который всегда будет рядом. Ещё задолго до этого момента я приходила к выводу, что Артём ещё полон иллюзий и грёз, чем отличался от своих братьев, которые по-деловому смотрели на жизнь, в то время как он был далёк от требований жизни. Его богатое воображение витало в придуманном им мире, он даже точно не знал, чего хотел добиться в жизни, куда двигаться? Он не понимал, что всю жизнь нельзя только путешествовать, надо учиться или работать. Видеть мир таким, каким он есть, ему мешал романтизм, направляя его помыслы на стезю путешествий...

В старших классах он занимался в группе спелеологов, на каникулах неоднократно выезжал на Кавказ, откуда возвращался полный впечатлений о пещерах, сталагмитах и сталактитах, о чём увлечённо рассказывал, и его было интересно слушать. Но разве можно было всю жизнь лазить по пещерам, и оттого я не могла его представить своим мужем. К тому же я считала себя домашней, мой круг знакомств тогда ограничивался школой, техникумом и двором. Я мечтала о таком спутнике жизни, с которым бы в будущем чувствовала себя полностью уверенной. И вот встреча с таким человеком произошла...

4

Акима, старшего брата Артёма, в то время я знала весьма отдалённо; он тогда учился в институте на пятом курсе. Аким пока меня не интересовал, да и как он мог привлекать моё внимание, если я жила ещё полудетской жизнью, в то время как он был взрослым человеком? Когда я приходила к ним с Артёмом, чтобы вместе учить уроки, если Аким был дома, то он неизменно сидел с книгой в кресле или, стоя за кульманом, что-то чертил на ватмане. Ещё он любил что-нибудь вырезать по дереву и мастерить.

Я редко слышала его голос, казалось, он вообще не умел разговаривать. Я даже его несколько побаивалась, хотя он был, как и все Пестовы, со мной всегда приветлив и радушен. И вместе с тем от него веяло какой-то загадочностью, а пото му я считала его для себя недоступным.

После окончания техникума Антон служил в армии. Сестра Анна училась в институте, на третьем курсе она вышла замуж. К тому времени Аким уже окончил институт и ждал повестку в армию. Об этом я знала от Артёма, который прямо-таки не чаял, чтобы брат ушёл служить. Такое жгучее нетерпение объяснялись довольно просто: Аким легонько подтрунивал над младшим братом из-за того, что тот несерьёзно готовился к жизни. После школы, несмотря на то, что он хорошо учился, Артём не думал поступать учиться ни в институт, ни в техникум, чем я была удивлена. Ведь он хорошо учился и вдруг пошёл на курсы монтажников по строительству крупнопанельных домов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.